

В клубе закончилась дискотека. Молодёжь, играя в «ручечку», стекалась к центру села, называемым в народе «пятак». Отсюда, словно по установленной традиции, начинали расходиться по домам.

Я жил рядом с «пятак», и мне некого было провожать. Я присел на лавочку докурить сигарету. Послышались торопливые шаги, и на освещённой площадке появился мой друг Гунька.

– Ну что, проводил зазнобу? – спрашиваю его.

– Да куда там... смылась сразу же... – он зло сплюнул и, прикурив сигарету, поспешил сменить тему разговора. – Да ну их... этих баб. Я вот вчера за «Волчьим» рядом свежее токовище тетеревов нашёл и балаган уже сделал. Может, рванём на охоту?

– Когда? – спросил я.

– Ну, когда? Давай сегодня... если... согласен?

Смотрю на друга, не шутит ли? С виду, вроде бы, серьёзен. Подношу руку с часами поближе к глазам. Циферблат высветил половину третьего.

– Я согласен, но уже половина третьего. Спать-то некогда. На ток нужно попасть затемно, чтобы не распугать косачишек. Пока соберёмся, пока до места дойдём, будет самое то!.. Собак необходимо привязать, чтобы не увязались за нами. Встречаемся в четыре около вашего дома. Ты только спать не вздумай прилечь!..

Он кивает, и, пожав друг другу руки, мы идём к своим домам.

Гунька нахлобучил поглубже фуражку и засунул руки в карманы брюк. Затем высоко подпрыгнул и, опустившись на ноги, присел, вытянув шею и смешно оттопырив зад, громко зачуфыкал, хлопая себя по бокам согнутыми в локтях руками, изображая токующего тетерева.

От неожиданности я остолбенел. Ну, чудило, ну, хохмач! Я такой фортели от него не ожидал. Не зря его Гунькой-хохмачом зовут. И вот с этим чудиком мне предстояло идти на охоту...

– Подожди... давай-ка на всякий случай уточним – где ты поставил скрадок?

Сомнения по поводу того, что он может и не пойти, закрались у меня в душу.

– Да на гриве... слева от просеки, как только рям пройдёшь... не переживай, там рядом, увидишь...

Зайдя в сени своего дома, я включил свет. Ружьё и патрон-таш висели под занавеской в кладовке. Там же охотничий рюкзак, и стояли, пропитанные дёгтем, мои кирзовые сапоги. На полках, накрытые широкими полотенцами, лежали испечённые матерью буханки хлеба, копчёное сало в ящичке и свиные окорока, источающие такой аромат, что у меня потекли слюнки.

Сложив всё необходимое в рюкзак, взял сапоги и ружьё, вынес их в сени и вошёл в избу.

– Ты чего там гремел, сынок? Если кушать хочешь, то на шестке чугунок с супом. Молоко и хлеб на лавке... – выговорила мама, приподняв голову с подушки.

– Спасибо, мам, не беспокойся. Я кушать не буду.

– А куда это ты переодеваешься? Спать не будешь, что ли?

– Да мы с Гунькой хотим на ток сходить, косачишек посмотреть...

– И охота вам? Что ли дома мяса нет? Вон – полно в кладовке... – пробурчала она, отворачиваясь к стенке, и тут же засопела.

Переодевшись, беру своё снаряжение и выхожу во двор.

На улице ни звука. Село спит. Сквозь серую мглу на небе просвечивались редкие звёзды. Воздух был свеж и прохладен. Заканчивался апрель. Весна набирала силу. Собак не слышно, наверное, тоже дрыхли.

Крадущимися шагами иду за ворота ограды. По всей улице ни в одном из окон домов не виден свет. Вот и Гунькин дом, объятый тишиной и мраком. Его самого нигде не видно и не слышно.

Смотрю на часы. Они показывают без пяти минут четыре. Неужели не дождался и ушёл один? Бросаю несколько камешков в окно дома. Но тщетно, никаких движений. Кажется, напарник передумал идти и крепенько заснул. Что делать? Начну громче шуметь – разбужу всех в доме, поднимутся собаки...

Вернуться домой?.. Ну, нет – охота пуще неволи, и я, пропустив друга, оставаясь верным своему слову, пошёл к цели один.

Путь не долог, но и не лёгок. В ночной мгле трудно ориентироваться на местности, но предстоящий маршрут я знал, как свои пять пальцев, да и рассвет уже не за горами...

С детства мне неведомо было чувство страха, а в этот раз нехорошее предчувствие заставило заранее зарядить ружьё.

Я шёл в ночь один и без собаки. Предстояло преодолеть сначала метров пятьдесят в ширину, залитое половодьем болото, с невысокими и довольно широкими торфяными кочками, затем километровую солончаковую гриву и ещё одно болото – посерьёзнее, метров триста-четырееста, которое редко кто осмеливался перейти да ещё в половодье и ночью...

Но я рискнул. Солончаковая грива, усеянная невысокими пупырышками твёрдых земляных кочек, вымотала меня. Темнота скрывала их. Здесь можно было запросто подвернуть

ногу, хотя я шёл медленно и осторожно, но часто спотыкался и, чертыхаясь, нередко падал на незримый в темноте «ковёр». Но это были «семечки» по сравнению с тем, что ожидало меня впереди. Так называемый зимник, по которому вывозили из тайги строевой лес, был в «кашу» перемолот тракторами.

Передо мной текла река холодной вешней воды. Болото было затоплено по самую «маковку». Редкие космы жухлой осоки змейками вились в струях вод. Лишь только тусклое звёздное небо отражалось в этой поверхности да редкая пелена тумана парила, растворяясь во мгле. Лёгкий встречный ветерок дышал мне в лицо. Почти на ощупь отыскивал одинокую молодую берёзку и сделал из неё длинную палку. Промерил ею дно. Над водой оставалось чуть больше метра. Но смелого и пуля боится!..

Переходить решил обочиной дороги там, где просматривались дудки старого камыша и изобилие кочек. Нашупывая их палкой и опираясь на неё, чтобы не потерять равновесие, быстро перепрыгивал с одной на другую, стараясь не задерживаться, иначе эти тонкие торфяные «столбики», сгибаясь под весом моего тела, сбрасывали меня...

От сосредоточенности и напряжения мне стало жарко. Из-под фуражки по лицу пополз солёный пот. Сердце бешено колотилось, распирало грудь. В ушах ударами пульсировала кровь. И тут, ко всему этому, стал примешиваться непонятный гул, идущий из-под земли. Он всё больше нарастал, усиливался и тревожил мои нервы. Уши окончательно заложило. Во рту пересохло. Солёный пот разъедал губы. Опершись на палку, задерживаюсь на очередной кочке и, затаив дыхание, напрягаю слух.

Это были не звуки ударов моего сердца, не всплеск воды от сапог, а что-то иное, непонятное. До рези в глазах всматриваюсь во мглу. На меня надвигалось большое тёмное пятно с

глухим шквалом падающих на землю невидимых глыб. Что это могло быть?.. Потревоженные, словно муравьи, мысли, одна нелепее другой, неслись в голове. Может, это чёрт?.. Но они бывают только в сказках... Медведь?.. Они не водятся в наших краях... Лось?.. Что ему-то здесь делать?.. Волки?.. Это даже не смешно. Их почти всех истребили... да что же это такое?

Неизвестность вдавливала меня в болото. Стало как-то не по себе, отчаяние охватило меня, а пятно и гул нарастали...

Резким движением плеча скидываю с себя ружьё и стреляю в воздух. Пламя выстрела пронзило мглу, его резкий звук хлестанул над болотом.

Чёрное пятно остановилось, расплывчато увеличиваясь в тумане, и... душераздирающее дикое ржание накрыло округу. Меня передёрнуло, словно я выпил перекишшего рассола, какая-то сила подбросила вверх, отключила сознание...

Пришёл в себя у кромки ряма, в развилке трёх берёз.

Восход всё ярче разгорался, освещая местность. Я медленно приходил в себя. Ружьё оказалось перезаряженным. К моему удивлению, ноги были сухи, в сапогах не было воды. Ветерок окончательно прогнал туман, и мне открылась картина пережитого ужаса. Я увидел того, кто создал это мракобесие.

На сухой гриве, протянувшейся между рямом и болотом, где остались одёнки от вывезенных зимой стогов сена, пасся табун кобыл с жеребятами. Ближе ко мне кругами метался их охранник – вороной жеребец. Он словно парил над землёй, едва касаясь поверхности мощными ногами, тряс головой, кудлатой гривой волос на шее, задранным хвостом. Широко раздувал ноздри и тяжело дышал взмыленными боками. Звериный взгляд его больших чёрных глаз метал молнии. Трудно представить, что могло бы быть, не выстрели я из ружья...

Насмотревшись на табун, направляюсь к просеке. Вороной понёсся ко мне. Резко свиснув, кричу и трясусь в воздухе поднятым ружьём. Он изменил направление, сделал круг по гриве, остановился, с шумом втягивая дрожащими ноздрями воздух. Злой красавец, с мощной грудью, с чёрной лоснящейся шёрсткой на широком крупе, грациозно изогнув шею, копытом передней ноги молотил по земле.

Закуриваю сигарету, чтобы он почувал запах табака. Пытаюсь успокоить, заговариваю с ним и медленно иду вглубь ряма. Жеребец перестал копытить землю. Повернув голову, осмотрел свой табун, громко заржал, вздыбился и, перебирая в воздухе копытами, развернувшись, помчался к своему гарему.

Я облегчённо вздохнул и заспешил навстречу токующим тетеревам.

В ряму цвёл багульник. Сиреневато-розовая дымка колыхалась над зарослями, источая дурманящий аромат.

Проснувшееся солнце освещало широкую поляну, заполонённую косачами. Их было не меньше сотни. Утоптанная земля сплошь усеяна помётом и вырванными перьями. Невдалеке виднелся неприметный скрадок. Пытаюсь обмануть бдительных птиц, встаю на четвереньки, изображая животное, и медленно крадусь в шалаш. Тетерева прекратили драться. Вытянув шеи, наблюдали за приближающейся странностью, а находящиеся рядом взлетели и расселись на сосенках.

Я благополучно достиг цели и, удобно расположившись, стал наблюдать. Бой разгорелся с новой силой. Расфуфыренные красавцы с надутой грудью и налитыми ярко-красными бровями и бляшками серёжек, с распущенным веером перламутром хвоста, грациозно кланяясь друг другу, раскинув крылья, подпрыгивали, угрожающе нанося удары мохнатыми, с острыми коготками, лапами. Приземляясь, наклоняя головы, громко чуфыкали, кружились в медленном танце.

Тетёрки, внимательно наблюдая за происходящим, медленно прохаживались мимо кавалеров. Петухи бились отчаянно. Один, видимо, опытный в боях, заклевал другого молодого, и тот, удирая от возмездия, решил спастись в скрадке. Просунув голову сквозь ветки шалаша, он остановился и удивлённо посмотрел на меня... А сзади наседали преследователи, выдирая перья из его хвоста. Мне стало жаль бедолагу, и стволом ружья я вытолкнул его на поляну. Кувыркнувшись, он дал дёру по токовищу.

Вдоволь насладившись сценками, выбираю цель и стреляю. Тетерева мгновенно разлетелись, но один остался лежать с задраным вверх перебитым крылом. Пытаюсь перезарядить ружьё. Металлическую гильзу заклинило намертво, и я не смог её вытащить. Взглянул на токовище... Мой трофей, волоча перебитое крыло, бежал к ряму. Выскакиваю из скрадка и пытаюсь его догнать. Подранок забился под ивовый куст, по брюхо оказался в талой воде. Я долго не мог его поймать, лишь с помощью длинной палки кое-как мне удалось это сделать. На него было тошно смотреть. Вместо пышного петуха у меня в руках висела мокрая курица.

И тут мне стало до того стыдно и обидно за самого себя, за загубленную птицу, за неуёмную страсть к охоте, что я взял ружьё, разбросал по поляне скрадок, спрятал бедную добычу в рюкзак и, подхлестываемый запавшими в душу словами матери «Что ли дома мяса нет?», понуро побрёл восвояси.